

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях).

Действующие лица:

Иван Сергеевич Краснокутский, земский деятель, 56 лет.

Федор Иванович, студент-медик, 28 лет.

Григорий Иванович, студент-математик, 23 лет.

Федор и Григорий – сыновья Ивана Сергеевича от первого брака.

Татьяна Алексеевна, вторая жена Ивана Сергеевича, 29 лет.

Катя, курсистка, 25 лет.

Домна Родионовна, мать первой жены Ивана Сергеевича, 79 лет, почти слепая.

Пелагея, послушница, 24 лет.

Мавра Кузьминишна, старая няня.

Действие происходит в наши дни в России.

Действие первое

Старинная усадьба Александровских времен, близ уездного городка. Терраса с колоннами. Сад. Внизу река. За нею монастырь и фабрика. Вечер.

I

Домна Родионовна и Пелагея. Пелагея ведет Домну Родионовну за руку и усаживает на скамейку.

Домна Родионовна. В обители благовест, [1] что ли?

Пелагея. В обители, матушка. Служба нынче с полиелеем [2] да кондаками [3] Владычными.

Голоса (на дороге, за забором сада, поют под гармоники).

У нас ножички точеные.

Гири кованные.

Мы ребята удалые.

Практикованные...

Домна Родионовна. Вишь, черти, горло дерут. Слободские, что ли?

Пелагея. Слободские, матушка, фабричные. С бабами да с девками, из кабака в кабак шляются. Пьяным-пьяно!

Домна Родионовна. Тьфу, окаянные! Люди в церковь, а они в кабак.

Голоса.

Мы урядника убили,

Станового бить идем.

Вся полиция знакома.

Губернатор нипочем...

Пелагея. Озорники, охульники! Вот нынче леса-то в уезде горят: все они,

слышь. Того и гляди, весь город спалят. Одно слово – революционеры!..

Ох-ох, матушка, анафема веку сему... О летунах-то этих наемдни старец

повествовал...

Домна Родионовна. О каких летунах?

Пелагея. Да вот, что на машинах-то – как их, еропланах; что ли, – летают по воздуху. У святых отцов писано: превознесется сын погибели, человек беззакония паче всех глаголемых властей и прельстит народы чудесами ложными – возьмет крыле и взлетит на небо. А Господь поразит его, змия древнего, убьет духом уст Своих. [4] Ну, а там и кончина веку сему, светопреставление... А вот и Гришенька...

Домна Родионовна. Какой Гришенька?

Пелагея. Виновата, матушка, Григорий Иванович.

Домна Родионовна. Ну, то-то же, смотри у меня, востроглазая!

II

Домна Родионовна, Пелагея и Гриша.

Домна Родионовна. К старцу ходил, Гришенька?

Гриша (целуя руку Домны Родионовны). Да, от него, бабушка.

Домна Родионовна. Ну, что, как?.. Ступай, Пелагея. Подожди внизу, у калитки. Да смотри, егоза, не подслушивай.

Пелагея. Что вы, матушка! Разве я когда?.. Обижать изволите...

Домна Родионовна. Ну, ладно, ступай.

III

Домна Родионовна и Гриша.

Домна Родионовна. Что же старец?

Гриша. Вас, бабушка, слушаться велел во всем.

Домна Родионовна. Во всем? Так и сказал?

Гриша. Да. И если что против совести казаться будет, то все-таки...

Домна Родионовна. Видишь, Гришенька. Ну, так как же, миленький, о чем говорили-то намедни, сделаешь?.

Гриша. Сделаю, если велите, то сделаю. Но трудно мне, бабушка, если бы вы знали, как трудно...

Домна Родионовна. Знаю, родимый. Послушания подвиг труднее всего. А ты и потрудись для Бога-то: что труднее, то Богу угоднее.

Гриша. Бабушка, да, ведь, грех-то какой! Воровство, подлость, предательство... и против кого же?..

Домна Родионовна. Жаль стало брата?

Гриша. Жаль? Нет... Вы же знаете: не люблю я его, враг он мне. Да, ведь, то-то и подло, что враг: с другом подло, а с врагом еще подлее.

Домна Родионовна. Ну, спасибо на добром слове, внучек. Кто же тебя на подлость подбивает? Мы со старцем что ли?

Гриша. Не сердитесь, бабушка, милая. Не к тому я сказал...

Домна Родионовна. Да ты, брат, не виляй, не отлынивай. Говори прямо: не хочешь? Не сделаешь?

Гриша. Сделаю. Как сказал, так и сделаю.

Домна Родионовна. Обещаешься?

Гриша. Обещаюсь.

Домна Родионовна. Ну, смотри же, помни. (После молчания). А я Пелагее скажу: девка проворная, на все руки мастер, да положиться нельзя – шельма. Ты за нею посматривай. Ключ достал ли?

Гриша. Достану. У няни есть другой от того же замка.

Домна Родионовна. А письма где, знаешь?

Гриша. Знаю. Когда переносили вещи в павильон из дому, я с братом бумаги укладывал.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org

Домна Родионовна. Ну, значит, ладно все. Спасибо, Гришенька. А насчет греха, не испытуй, смирись. Старец лучше нашего знает. Бывает и грех во спасенье. Тут премудрость Божия тайная. Старцу-то веришь?

Гриша. Верю. Вам да ему только и верю. Только вас двое и есть у меня... Ох, бабушка, милая; скорее бы к вам совсем уйти от них! Измучился я, устал, не могу больше...

Домна Родионовна. Небось, миленький, теперь уж недолго. Это тебе испытание последнее: как совершишь, одолеешь, – так и уйдешь от них. Вместе уйдем. «Изыдите, изыдите, люди Мои, из Вавилона». [5] Уйдем от безбожников. В ущелиях да пропастьях земных скрываться будем, а им не дадимся... Смотри же, блюди себя, внучек, от соблазна ихнего, от премудрости дьявольской. Премудрые, ученые, «образованные»! Вон ведь и ты все книжки читаешь, в университете учишься, по стихиям мира сего ищешь премудрости. А мы люди простые, темные. Может, и тебе не пара?

Гриша. Нет сего бабушка, этого не бойтесь сего – чего другого сего только не этого. Я же знаю их, вижу насквозь: пустое все у них, гнилое, трухлявое. Вот как волчья яма: сверху покрыто, а ступишь ногой и провалишься.

Домна Родионовна. У нас-то покрепче?

Гриша. Да. крепкое у вас, крепкое, вечное! Оттого к вам и иду.

Домна Родионовна. Так будешь с нами?

Гриша. С вами, бабушка, с вами на веки веков.

Домна Родионовна. Аминь! (Встает и кладет ему руки на голову). Спаси тебя Господи! Заступи, помилуй Матерь Пречистая! (После молчания). Ну, ступай. Гришенька, а то как бы не увидел кто. Скличь-ка Пелагеюшку.

Гриша. Пелагея, Пелагея Савишна!

Пелагея выходит из-за кустов, – видно, что подслушивала, – уводит Домну Родионовну. Иван Сергеевич идет из сада. Мавра накрывает на террасе стол к чаю.

IV

Иван Сергеевич и Гриша.

Иван Сергеевич. А, Гриша, здравствуй. Мы ведь с тобой сегодня не видались. Опять у старца весь день?... А это что у тебя? (Берет у Гриши книгу). *Pensees de Pascal*. [6] Старцу, что ли, носил?

Гриша. Да. старцу.

Иван Сергеевич. А он по-французски разве читает?

Гриша. Что вы! Университет кончил...

Иван Сергеевич. Ах, да, ученый. – я все забываю... Ну, что ж понравилось?

Гриша. Папа, зачем? Ведь вам неинтересно вовсе...

Иван Сергеевич. Нет, отчего же? Умный человек...

Гриша. А «с умным человеком и поговорить приятно», по Смердякову? [7]

Иван Сергеевич. Ну, вот, и Смердяков! Что же ты сердишься? Я ведь попросту... А. Впрочем. Бог с тобой – не хочешь, не надо...

Гриша. Нет, папа, милый, я не сержусь, а только трудно мне с вами об этом... А насчет Паскаля, старец говорит: книга хорошая, но нельзя смешивать веру с вероятностью – «держат пари на Бога»... [8]

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Иван Сергеевич. А ведь и правда, нельзя... Мавра, что ж самовар?

Голос Мавры (из окна). Кипит, бабушка. Сейчас несу.

Иван Сергеевич. Федя, Таня, Катя! Чай кипит! Экие, право – опять запропастились – не докликнешься.

Голоса (из дому). Идем! Идем!

Иван Сергеевич. А вечер-то какой, воздух! (Заглядывает через окно в комнату). Катя, а, Катя, будет вам стучать, – опять до мигрени достучаетесь. Если бы я знал, что вы такая рьяная, ни за что бы не взял в секретари.

Голос Кати. Сейчас, Иван Сергеевич. Только страницу кончу.

На террасу выходят Федор и Татьяна Алексеевна; потом Катя.

v

Те же и Федор, Татьяна Алексеевна и Катя. Садятся за стол. Мавра – с самоваром.

Иван Сергеевич. А где же караси, Мавра?

Мавра. Будут, бабушка, мигом поспеют.

Иван Сергеевич. Ну, смотри же, не ударь лицом в грязь! (Мавра уходит). Сам наловил. Федю угощаю. Он ведь нынче карасей наших капитанских еще не пробовал. Ах, хороши карасики! Ежели, после купания, вот как я сейчас, караси в сметане на сковородке, с лучком да с перцем, да водочки, – нектар и амброзия! Что ты, Федя, смеешься?

Федор. Вкусно вы, папа, живете!

Иван Сергеевич. Вкусно живу? Да, брат, не то, что вы, нынешние! А ты не мудри, брось метафизику и тоже вкусно заживешь... А мы о тебе сегодня все утро с Катей проспорили.

Федор. Обо мне?

Иван Сергеевич. Ну да, о статье твоей в «Психиатрическом вестнике», о «Философии самоубийства».

Федор. Ну, и что же?

Иван Сергеевич. Да что? Катя говорит: верно или почти верно. А я говорю: вздор. Да ты не обижайся, брат! Не дурак же я: понимаю, что умно, блестяще, талантливо, ну, и этой самой премудрости вашей медицинской бездна, а все-таки вздор, вздор и вздор! Книжно, отвлеченно, нежизненно. Главного нет...

Федор. Что же главное? Ах, да, условия социально-экономические... Только я ведь это устранил нарочно.

Иван Сергеевич. Нарочно? Самоубийство вне условий социальных? Что ты говоришь, душа моя, подумай...

Федор. Тут мало думать, папа. Тут надо знать, и не только вашу статистику...

Иван Сергеевич. Вот именно – знать надо! Оставь-ка на минуту свою метафизику, «веревка вервие простое», – погляди, что у тебя под носом делается. Какая-то чума, эпидемия! Кажется, ни в одной стране, ни в одну эпоху не бывало такого...

Федор. Ну, так что же? При чем тут социальные условия? Или «от хорошей жизни не полетишь?» Устроятся люди получше – и самоубийства прекратятся?

Иван Сергеевич. А ты что думаешь?

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org

Федор. Я думаю: чем лучше люди устроятся, тем больше будет самоубийств. Начали только устраиваться – и самоубийства возрастают и будут возрастать в геометрической прогрессии.

Иван Сергеевич. А ты, голубчик, не пророчествуй. Говори толком, доказывай... И чего ты все усмехаешься? Ведь это дело серьезное.

Федор. Еще бы! А только статья-то моя не очень серьезная. Не мог же я сказать всего в этом дурацком «Вестнике»: ученые ослы меня бы на смех подняли.

Иван Сергеевич. Ну, мы не ученые и не ослы, надеюсь? Говори же все, не бойся.

Федор. Увольте, папа. Не люблю я отвлеченных разговоров: до добра не доводят. Вон Гриша на меня уж волком смотрит, да и Катя тоже. Катя, вы на меня сердитесь?

Катя. Нет, а только Иван Сергеевич прав: надо об этом говорить серьезно или совсем не говорить. Тогда и печатать было незачем.

Федор. Пожалуй, незачем. Я, впрочем, надеялся, что кое-кто поймет и между строк – «безумной шалости под легким покрывалом»... Ведь вот вы же поняли?

Катя. Не все. Мне ваша главная мысль непонятна.

Федор. Неужели? А как просто! Главная мысль в том, что людям свойственно убивать себя не менее, а, может быть, и более, чем умирать так называемой естественной смертью. Звери умирают, люди убивают себя. Одна из всех живых тварей, человек сознает смерть и может убить себя и всегда убивает, хотя бы только частично – трудом, болезнью, пороком, святостью, безумием, – ну, словом, всем своим человечеством. И еще потому человек – самоубийца естественный, что тоже одна из всех тварей любит свободу больше, чем себя. А сделать смерть вольною, убить себя, как следует, значит победить страх смерти, начало всякого рабства, «оказать своеволие в высшем градусе», как верно определяет Кирилов у Достоевского.[9]

Иван Сергеевич. Федя, родной! Ты это серьезно?

Федор. Очень серьезно.

Иван Сергеевич. Да ведь Кирилов – больной, сумасшедший...

Федор. Сумасшедший? Нет, отчего же?... А впрочем, если не хотите Кирилова, то вот вам профессор Мечников, [10] здравомыслящий в высшей степени.

Иван Сергеевич. Мечников! Вон куда хватил! Да ведь это совсем из другой оперы...

Федор. Нет, из той же. Желание смерти, по Мечникову, так же нормально, как желание сна: усталый хочет спать – старый хочет умереть. Только здоровая старость наступает в 150; 200 лет. Но ведь уже это вопрос биологии, а психически мера жизни от числа лет не зависит: Пушкины, Байроны в тридцать лет прожили больше, чем другие могли бы прожить в двести. Да и всякий, кто был хоть на минуту счастлив, действительно счастлив, кто хоть раз в жизни сказал: «остановись, мгновение!» – знает эту последнюю грусть в самом счастье, предел желаний – тихий зов смерти... или «вечности», как говорят поэты. Теперешние самоубийства – от страха, от горя, от слабости – словом, от недостатка чего-то – почти такие же рабские, как животная смерть. Но придет время, когда люди будут умирать вольною, действительно вольною смертью – от избытка, от роскоши, от силы, от радости. Вот как пена вина, когда полон стакан, через край переливается...

Татьяна. Ах, как красиво!

Федор. Красиво? Неужели «красиво»?

Татьяна. Ну, да. Чего же вы так испугались?

Федор. Виноват, Татьяна Алексеевна, но я боюсь «красивого»; как черт

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
ладана: «красиво» значит не прекрасно и не без пошлости.

Иван Сергеевич. А ты не груби дамам и не отвиливай, говори прямо, к чему ведешь?

Федор. Кажется, ясно: что для каждого человека в отдельности, то и для всего человечества...

Иван Сергеевич. Стой, погоди! что же именно? когда все будут счастливы, то убьют себя? Конец человечества – самоубийство всеобщее, так, что ли?

Федор. А почему бы и не так? Надо же чем-нибудь кончить. И отчего хороший конец хуже «дурной бесконечности»?

Иван Сергеевич. Опять смеешься?

Федор. Нет; не смеюсь.

Иван Сергеевич. Ну, так спятил, ей Богу, голубушка, спятил; вместе со своим Кириловым!

Федор. Может быть. Но ведь тогда и вся буддийская Азия, сотни миллионов людей...

Иван Сергеевич. К черту Азию! Мы в Европе живем...

Федор. Ну, и в Европе – Шопенгауэр, [11] Толстой, современные теософы, средневековые мистики... Спросите-ка Гришу: он со своим старцем кое-что знает об этом... Гриша, а, Гриша, да что ты на меня так смотришь, право? Уж лучше сразу облегчи душу, изреки анафему. «Тихий бес», что ли?

Иван Сергеевич. Какой еще бес?

Федор. А это ему старец наемни сказал, что во мне «тихий бес». «Немой и глухой». Вот он и смотрит на меня, как будто хочет изгнать беса...

Гриша (вставая и бледнея). Я бесов не изгоняю.

Федор. А что же с ними делаешь?

Гриша. Ничего. В лицо им плюю...

Федор. О-го! Значит, и мне в лицо плюешь?

Гриша. Ты хуже делаешь: не в меня, а в мое святое плюешь... Как ты смеешь!.. И что вы его слушаете? Разве вы не видите, что он над вами смеется?..

Федор. Послушай, Гриша. Нельзя любить других больше, чем себя: если я над вами смеюсь, то и над собой...

Гриша. И над собой, и над собой! Надо всем! На все плюешь... Хулиган! Шут! Провокатор!

Иван Сергеевич. Гриша! Гриша! Что ты... разве можно так?..

Гриша. Папочка!.. если бы вы знали, папочка, какой все это ужас! Какой ужас! Господи! Господи! Господи!

Гриша убегает почти в истерике. За ним – Катя.

Татьяна (вставая). Это, наконец, невыносимо! Бог знает что такое...

Федор. Не волнуйтесь, Татьяна Алексеевна, Гриша болен.

Татьяна. А если болен, то лечиться надо. Есть же всему предел! И как вы позволяете, Иван Сергеевич?..

Татьяна тоже убегает. Мавра – со сковородкою; ставит ее на стол и уходит.

VI

Иван Сергеевич и Федор.

Иван Сергеевич. Да, брат, вот тебе и караси в сметане, вот тебе и «вкусно живем»! Видишь, Федя, все мы тут как на пороховом погребце...

Федор. Это я, папа. Спровоцировал его нечаянно. Закурил в пороховом погребце. Ну, да ничего, – обойдется. Ведь, мы с ним друзья... были, а, может быть, и будем. В нем тоже «тихий бес», только другого рода...

Иван Сергеевич. Да, болен он, в самом деле, болен. А тут еще со своим старцем измучился... Надо с ним осторожнее, Федя.

Федор. Не бойтесь, папа. Сегодня мне урок – не забуду.

Иван Сергеевич. Ну, пойду, посмотрю, что с ним.

Иван Сергеевич уходит. Федор идет в сад, садится на скамейку и, согнувшись, упершись локтями в колени, опускает голову на руки. Сумерки. Зарницы. Входит Катя.

VII

Федор. А, Катя, вы! А я и не слышал. Какая вы тихая! Ну, что, все еще сердитесь?

Катя. Нет. За что? какое мне дело? (После молчания). Федор Иванович, разве вы не чувствуете, что есть вещи, о которых нельзя говорить?

Федор. «Мысль изреченная есть ложь»? [12]

Катя. Да, мысль изреченная есть ложь.

Федор. Это ваша заповедь?

Катя. Зачем вы все шутите?

Федор. Шучу? Нет, Катя. А если и шучу, то назло себе. Хочу плакать и смеюсь. Какой-то «демон иронии». В самом деле, «бес».

Катя. И то, что вы говорили давеча, и в статье, – не шутка?

Федор. Вы же знаете, Катя, вы все знаете!

Катя. Ну, тогда еще хуже. Нельзя говорить и не делать. А ведь вы не сделаете?

Федор. Не знаю, ничего не знаю. Заблудился в самом себе, запутался. Может быть, сейчас и не сделаю, а когда-нибудь...

Катя. Нет, никогда. Оттого и говорите. Если бы сделали, то молчали бы, стыдились... У вас нет стыда.

Федор. Верно, Катя, верно! Именно, стыда нет. Какая вы вещая! Все знаете... Что нет стыда, это и старец мне говорил наемни. «Макаки, – говорит, – макаки... не люблю макак!»

Катя. Что это?

Федор. Обезьянка такая бесстыжая. Я сначала не понял. А это он обо мне, о таких, как я, нестыдящихся.

Катя. А вы и теперь не стыдитесь?

Федор. Да, и теперь, – только по-другому... А, может быть, я теперь слишком стыжусь?

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Катя. Все равно. У вас нет меры стыда, нет меры ни в чем.

Федор. И это – «ах, как красиво»?

Катя. Да, не без пошлости.

Федор. Как же быть, Катя? Кальвин, что ли, учил, что есть люди погибшие: что бы ни делали, все равно не спасутся, потому что осуждены от века, прокляты. Вот и старец наемни толковал притчу о плевелах: посеял человек пшеницу на поле своем, а ночью пришел враг и всеял плевелы. Враг – диавол, пшеница – сыны Божьи, а плевелы – сыны диавола – несуществующие души. [13]

Катя. И вы себя считаете плевелом?

Федор. Да, не пшеницею.

Катя. Кто это может знать? Тут что-то не так.

Федор. В притче не так?

Катя. Не в притче, а мы чего-то не знаем.

Федор. И старец не знает?

Катя. И старец.

Федор. А вы, Катя, знаете?

Катя. Нет, я тоже не знаю. Но я знаю, что не знаю, а старец думает, что знает все.

Федор (после молчания). А можно, Катя, с вами так не стыдиться, как я сейчас?

Катя. Можно, – так можно.

Федор. Ну, так вот что. С детства, с самого раннего детства, как помню себя, у меня такое чувство, что все люди как люди, а я...»макака».

Катя. Это не от гордости?

Федор. Может быть, и от гордости... И вот еще что. У портных иногда зеркала углом поставлены, платье примерять, чтобы лучше видно было сбоку и сзади. Боюсь я этих зеркальных углов, ох, как боюсь! Спереди-то я ничего, даже недурен как будто, – «ах, как красиво!» А вот сбоку-то, сбоку, почти сзади – не узнаю себя, – в затылке, там, где скоро плешь начнется, да и в лице, особенно, в нижней челюсти, в углу носа и лба – что-то звериное, хищное, и смешное, и стыдное, стыдное... Сам себе чертом кажусь, своим собственным чертом...

Катя. А вы в черта верите?

Федор. Не знаю, право. В Бога-то вот не верю, а в черта, не знаю, может быть, и верю... Должно быть, это от бабушки да дедушки, купцов Вахрамеевых. Говорят, прадед наш старовером был, федосеевцем. [14] Ну, и от матери тоже: святая, смиренница, воды не замутит, а черта боялась; – так и умерла со страху. Вот и Гриша в нее... А знаете, Катя, я вам сейчас как на духу каюсь – вот, как старцу. И почему это вдруг?... А кажется, что вы поймете, – не простите, нет, да и что прощать?... А только поймете, но ведь и этого довольно.

Катя. Да, пойму. А простить вас, значит, и себя простить: когда вы о себе говорите, мне кажется, что и я в зеркальном углу, и тоже себе не очень-то нравлюсь. У каждого свой черт. А насчет проклятых от века, кто это подумал, тот был сам во власти черта.

Федор. Какая вы тихая, Катя, тихая, вещая, грозная – вот как эти зарницы на небе! Тишина, тишина, молчание, «Silentium».

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org
Катя, милая, отчего вы мне помочь не хотите?

Катя. Хочу, да не могу. Мы с вами в разных «колодцах» сидим, – рядом, но в разных. Помните, «Колодцы молчания»?

И сторожит Молчанья Демон
Колодцы черные свои...[15]

Федор. Ну, так перекликаться давайте, перестукиваться, вот как в одиночных камерах.

Катя. А вы не шутите?

Федор. Да нет же, нет, милая! Ну, посмотрите мне в глаза, разве так шутят? Разве вы не видите?

Катя. Вижу... нет, не вижу... (После молчания). А может быть, вы... Федор Иванович, вы не обидитесь?

Федор. Нет, Катя, не обижусь. Я никогда ни на что не обижаюсь.

Катя. Потому что презираете – «плюете на все»?

Федор. Ни на что я не плюю. Вы знаете: я не других, а себя презираю... Что же вы хотели сказать?

Катя. Может быть; вы жалкий, такой жалкий, что с вами нельзя говорить; как я сейчас?

Федор. Ну, так пожалейте, Катя!

Катя. А Татьяна Алексеевна... Татьяна Алексеевна вас не жалеет?

Федор (усмехаясь). Почему вы вдруг о ней вспомнили?

Катя. Мне казалось, вы друзья...

Федор. Любопытство, Катя?

Катя. Простите. Я думала, что вы постучались ко мне... А любопытство – нет: уж если я чем страдаю, так нелюбопытством.

Федор. Какая вы странная! Как будто что-то знаете, и не хотите сказать...

Катя. Не умею... и не знаю. Слышу звук сквозь стену, но еще не понимаю азбуки.

Федор. А все-таки спасибо, Катя!

Катя. За что?

Федор. За стук. Когда долго сидел в одиночной камере и стук услышал, то радостно: значит не один.

Катя. Вы тоже странный. Вы, может быть, не то, чем кажетесь.

Федор. О, если бы, если бы так, милая! Зарница моя, тихая, вещая, грозная...

Катя (вставая). Не надо... не говорите...

Федор. Молчание? *Silentium*?

Катя. Да. *Silentium*.

Федор целует у Кати руку. Из двери на террасу выходит Татьяна Алексеевна и идет в сад. Катя не видит ее; потом, вдруг, обернувшись и увидев, проходит быстро мимо нее, склонив голову. Татьяна Алексеевна следит за нею пристально, пока она не уходит; потом взбегает на террасу, гасит лампу, запирает на ключ стеклянную дверь и возвращается в сад к Федору. Но темнеет, зарницы ярче, и кое-где, вдали, за рекою, огни лесных пожаров рдеют, как красные точки. Оттуда же, из-за реки, доносятся пьяные песни под

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
звуки гармоника.

VIII

Татьяна. Ты опять с ней? О чем?

Федор. Тише... Слышишь?

Татьяна (оглядываясь и прислушиваясь). Нет никого. Он у Гриши во флигеле; Катя прошла к себе; Мавра спит. Разве старуха с Пелагеей? Да нет, завтра праздник – ночуют в обители... Никого... Не бойся.

Федор. Да, верно, почудилось, у страха глаза велики... А знаешь, Таня, ведь бабушка следит за нами.

Татьяна. Знаю. Ходит по пятам, как тень, подслушивает, подсматривает. Слепая, а видит все. Страшная... Ну, да все равно. Когда я с тобою, мне все – все равно... О чем же ты говорил с Катей?

Федор. Тоже за нами следишь, как бабушка?

Татьяна. Берегись, Федя: Катя не то, что я, – с ней шутки плохи.

Федор. Ревнуешь?

Татьяна. Как грубо!

Федор. И – «ах, как некрасиво»?

Татьяна (кладет ему руки на плечи). Федя, зачем?.. Ну, зачем, милый?.. Ведь уже недолго нам. Может быть, в последний раз... Ведь скоро уедешь?

Федор. Скоро.

Татьяна. Когда?

Федор. Не знаю. На днях.

Татьяна. Может быть, лучше – мне?

Федор. Ты все равно не уедешь.

Татьяна. Да, не могу. Говорю, что уеду, и вот не могу. А ты можешь?

Молчание.

Федор. Таня, чем это кончится?

Татьяна. Не знаю. Мне все равно.

Федор вынимает револьвер. Татьяна хочет отнять, он не дает и прячет.

Татьяна. Дай же, дай! Ты мне обещал, помнишь?

Федор. Пустяки, ребячество! Чем бы ни кончилось, только не этим. Ношу с собою, балуюсь и знаю, что ничего не будет. Как вот в гимназии мы все, мальчишки, были «А. М» – «анархисты мистики» и носили с собою по браунингу. Нет, Таня, не бойся: не годимся мы с тобою в трагедию. Ты не Федра, а я не Ипполит. [16] Будущий психиатр и бывшая актриса – хорошая парочка! Ничего не будет. С такими, как мы, никогда ничего не бывает, кроме пошлости. Было, как бы не было. Мало ли в жизни гнусностей? Не пойман – не вор. Потихоньку да полегоньку, разъедемся и забудем, привыкнем, обтерпимся. До свадьбы заживет. Было, как бы не было...

Татьяна. Не мучь меня, Федя! Устала я, ох, как устала.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org
Хочет обнять его. Он отстраняет ее.

Федор. И за что, за что ты меня?..

Татьяна. Вот даже слова сказать не хочешь... За что полюбила? За правду, Федя, за то, что ты черту смотришь прямо в глаза.

Федор (усмехаясь). А-а! «дерзновение»?

Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты...[17]

Татьяна. Ну, что же, смейся! Мне все равно, мне все равно...

Федор. Я не смеюсь, а корчусь... не бойся, от своей собственной пошлости... Ну, а еще за что?

Татьяна. Еще за муку, Федя.

Федор. Дездемона! «Она меня за муку полюбила». Ты Дездемону[18] играла на сцене?.. За муку, да, это, пожалуй, вернее. Жалеешь. Вы все жалеете. Нет такой гнусности, на которую женщина не пошла бы из жалости... А его не жалеешь?

Татьяна. Не надо, Федя, милый, не надо! И без того муки довольно...

Федор. А мне сегодня снилось опять... все одно и то же снится: будто бы мы с тобой... и он тут же рядом, но мы его не видим. Только знаем, что он смотрит на нас, – и все-таки...

Татьяна. Не надо! Не надо! Я с ума сойду...

Федор. А ты что думаешь? Да если б не сошли с ума, разве могли бы жить с эдаким ужасом? Ведь, я же его любил... и сейчас люблю... Его люблю и тебя вместе... Но тебя не любовью, не жалостью, а вот этим ужасом. Ужас, а все-таки, все-таки... И чем больше ужас, тем сильнее вот это, чего сказать нельзя... (Обнимает ее).

Татьяна. Федя, милый, если бы я могла взять весь ужас, весь грех на себя! Пусть грех, кто любит, нет греха.

Федор. Хороша любовь!

Татьяна. Не кощунствуй: всякая любовь свята. Огонь страсти очищает все...[19]

Федор. «Огонь страсти»... Эх, Таня, откуда у тебя такие слова? Помолчи, – ты лучше всего, когда молчишь.

Татьяна. Благодарю за любезность! Боишься пошлости, а сам впадаешь в нее. А я ничего не боюсь – я только люблю и мучаюсь и не знаю, что это, но иногда кажется, что тут какой-то рок... это не мы с тобой сделали...

Федор. Не лги... Впрочем, о тебе не знаю. Но я сам сделал, сам захотел. Нравилось, «дерзновение»... «Красиво, ах, как красиво!» О, пошлость, пошлость! Не хаос, не бездна, а лужа: упал в грязь – ничего, мягко, – не ушибся, а только запачкался. Это-то мне и нравилось... да теперь еще нравится... И тебе, и тебе! Не лги – я знаю тебя. Хороши оба! Блудники, развратники, пакостники, «макаки» бесстыжие! С тринадцати лет – раньше – с тех пор, как помню себя... и все мы такие, все поколение. Это главное в нас. От этого все и пошло. Гриша прав: хулиганы, шуты, провокаторы. Несуществующие души, «плевелы»... За Катей-то, за Катей смотри! Я ведь на все способен, «плюю на все». Люблю тебя и ее, обеих вместе. Почему нельзя обеих?.. Ведь, может быть, и она такая же, не лучше нашего... Все там будем!

Татьяна. Что ты делаешь? Что ты делаешь, Федя! Ведь, ты сейчас хуже со мной, чем с ним... (Плачет).

Федор (опускаясь перед ней на колени). Таня, прости... Таня, милая... Ведь я же, в самом деле, с ума схожу... как во сне, в том страшном сне... Может быть, ты и права: не наша воля, не мы с собою сделали... Ну, полно же, полно, не

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
плачь! Я видеть не могу... Ведь я же тебя...

Обнимает и целует ее. Домна Родионовна и Пелагея проходят в глубине сада, за деревьями.

Татьяна (оглядываясь). Старуха!

Федор. Нет, – никого... Все чудится...

Татьяна. Она – я видела. Должно быть, спряталась... Ну, да все равно... пусть! Пойдем к тебе, хочешь?

Федор. Сейчас? Нет. Потом, ночью придешь?

Татьяна. Приду.

Татьяна идет в дом. Федор – в сад. С другой стороны, из-за деревьев, выходит Домна Родионовна и Пелагея.

IX

Домна Родионовна и Пелагея.

Домна Родионовна. Видела?

Пелагея. Видела, матушка, видела – вот на этом самом месте.

Домна Родионовна. Молчи! Пикни у меня только, – в гроб заколочу!

Пелагея. Не бойся, не бойсь, матушка! Да этакого-то на людях вслух и не скажешь – язык не повернется, чай... Ох, искушение!

Домна Родионовна. Благо ми, Господи, яко смирил мя еси, отнял свет очей моих! (медленно поворачивает лицо к дому, подымает клюку и потрясает ею, грозя). Будьте вы прокляты, окаянные! Анафема! Анафема! анафема! Погибель дому сему!

Занавес.

Действие второе

Старинный павильон в парке. Крыльцо ветхое, круглое, со ступенями и колоннами. Стеклопанная дверь. Перед крыльцом заросшие клумбы с кустами сирени. Справа аллея старых лип. Слева – пруд. Полдень.

I

Татьяна и Катя. Выходят из аллеи и садятся на ступени крыльца.

Татьяна. Дождь будет – парит, дышать нечем.

Катя. Это от лип: когда липы цветут, пахнет ладаном, точно покойником.

Татьяна. Что вы, Катя, – медом, а не покойником. Декадентка вы ужасная... А это что у вас?

Катя. Эврипид. [20]

Татьяна. У Федора Ивановича взяли?

Катя. Да, у него.

Татьяна (берет книгу). А, «Ипполит». Я когда-то хотела играть «Федру». [21]
У Расина, помните, – C'est Venus tout entiere a sa jiroie attachee... Как хорошо, а перевести нельзя.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org

Катя. «То богиня любви вся в добычу впилась»... вгрызлась, как зверь в зверя... Нет, не умею.

Татьяна. Как зверь в зверя? Неужели любовь – зверство?

Катя. Не любовь, а страсть.

Татьяна. А разве есть любовь без страсти?

Катя. Не знаю. Может быть, есть.

Татьяна. Не знаете, а хотели бы знать?

Катя. Хотела бы.

Татьяна. Лучше не узнавайте, Катя. Будьте всегда такой, как сейчас: чистая, чистая, вот как лесной родник, вся чистая, до дна прозрачная. И, ведь, счастливая?

Катя. Нет, не счастливая.

Татьяна. Какое же у вас несчастье?

Катя. Не несчастье, а хуже: ненужность; недействительность. Как будто нерожденная; несуществующая. Чужая всем. Ни живая, ни мертвая, свой собственный призрак. Приживалка; втируша: втираюсь, втираюсь, и не могу войти в жизнь...

Татьяна. А я вам все-таки завидую, Катя.

Катя. Чему?

Татьяна. Легкости. Вот бы мне вашей легкости!

Катя. Не завидуйте: это – легкость тяжелая; тяжело оттого, что слишком легко. Как во сне: летаешь, летаешь, хочешь стать на ноги и не можешь – все на аршин от земли: тяжести нет – земля не держит. Или как на воде пробка: жизнь из себя выталкивает – нужно усилие, чтоб оставаться в жизни, а только что отпустишь себя, – вода пробку вытолкнет... Федор Иванович говорит: вольная смерть от радости. А у меня не от радости и не от горя, а от легкости, оттого, что все равно... (Вдруг умолкает, как будто спохватившись).

Татьяна. А вы, Катя, не кокетка?

Катя. Кокетка? Отчего вы подумали?

Татьяна. Да вот все это: несуществующая, нерожденная, на аршин от земли... Вы собой не любуетесь?.. Ага, покраснели. Обиделись?

Катя. Я не обиделась, а вы не поняли.

Татьяна. Не поняла? Скажите, пожалуйста, какая премудрость! Ах, вы моя милая девочка! То взрослая, даже слишком взрослая, а то вдруг маленькая, маленькая девочка... Ну, что вы на меня так смотрите? Боитесь? Не верите?.. Катя, да вы серьезно обиделись? Полно же, будьте великодушнее. А то некрасиво: кошачьи подарки, собачьи отнимки. (Встает). В самом деле, дышать нечем! Мне тоже начинает казаться, что липы ладаном пахнут. Пойдем-ка, где посвежее. – ляжем в траву.

О, не кладите меня
В землю сырую!
Скройте, заройте меня
В траву густую!

«Ипполита» будем читать. Или я вам из «Федры», хотите, по старой памяти? C'est Venus tout entiere a sa jiroie attachee... Да, «вгрызлась, вгрызлась, как зверь» – вцепилась, вгрызлась – и не отпустить... А знаете, Катя, вы вот меня не любите, а я могла бы вас полюбить... влюбиться в вас.

Катя. Вы? Нет, едва ли... не думаю.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Татьяна (смеясь). А вот и могла бы, могла бы! Ничего вы не знаете, маленькая, глупенькая девочка!

Обнимает и целует ее. Татьяна и Катя идут в аллею. Гриша и Пелагея выходят из-за кустов.

II

Пелагея. Ушли, слава тебе Господи! И о чем болтали? «Ипполит да Федра», а по-нашему, Иван да Федор, – Иван Сергеевич да Федор Иванович, так, что ли?

Гриша. Молчи; дура, или я уйду.

Пелагея. Не уйдешь, миленький; никуда от меня не уйдешь: мы теперь с тобой, как веревочкой, связаны. Ох, дела-дела; как сажа бела! И в старину этих самых делов довольно было, только все шито да крыто. Не то, что у вас, нынешних, – срамники вы, скандальники, бесстыдники! Вот, говорят, дедушка ваш, купец Вахрамеев; богатей, – по бороде Авраам был, а по делам хам. Дедушка – снохач, а бабушка тоже не промах – то с одним, то с другим приказчиком. Да все в тайности, в святости...

Гриша. Как ты смеешь, подлая!

Пелагея. Ну, не буду, Гришенька, не гневайся. Я, ведь, только так, к слову пришлось; а Домну Родионовну я уважаю; – благодетельница. А насчет греха; – не согрешишь – не покаешься; не покаешься – не спасешься. Вот она и спасается; на чужой шкуре свой грех выколачивает. И мы ей помогать должны... Ну-ка; Григорий Иванович, зевать не будем, а то как бы кто опять не подошел. (Взбирается на крыльцо и пробует открыть дверь). Вишь. запираться начал: должно быть, заметил что, остерегается... Ну, так в окно... Тоже заперто. Ах, беда! Да рама-то, кажись, разохлась, скважинка есть, – отомкнуть можно, только бы просунуть что... перочинного ножичка нет ли?

Гриша. Есть.

Пелагея. Давай. (Просовывает ножичек в скважину, вынимает крючок из петли и открывает окно). Ну-ка, Гришенька, айда в окно!

Гриша. Сама лезь!

Пелагея. Что вы, барин, как можно? Дело ваше семейное, да и званье мое не такое, да и девица я: как полезу, юбочка подымется, чулочек увидите, и неприлично будет. Ну, да и грамоте я плохо знаю: не разберу адреса.

Гриша. Дура! Дура! Наглая! и чего ты кривляешься, говоришь со мною, как с маленьким?

Пелагея. Для кого большой, а для нас маленький, мальчик маленький, хорошенький! Вот захочу – зацелую, и ничего ты со мною не поделаешь. Я ведь бедовая, шельма, я, даром, что ряску ношу. Да, ведь, и ты, барин, тихоня, а в тихом омуте черти водятся. Ишь, как глазки бегают. Аль сконфузился? Ну, не буду, не буду! Знаю, есть у Гришеньки зазнобушка, «Принцесса грез».

И грезы, и слезы,
И уст упоительный яд...[22]

А ты что думал? Я тоже ученая, люблю стишок пронзительный: «Ах, как красиво!» (Гриша хочет уйти, Пелагея удерживает его за руку). Стой, не пушу! сердитый какой! И пошутить нельзя... Ну, полно-ка лясы точить, а то и впрямь не подошел бы кто... Да ну же, глупенький, чего упрямишься? Послушание паче поста и молитвы. Лезь-ка, лезь – назвался груздем, полезай в кузов!

Гриша. Э, черт, вот связался! Ступай прочь, – я один...

Пелагея. Нет, барин, куда тебе, не справишься! (Гриша подходит к окну). Погоди, скамеечку – вот так, ладно. Ключ-то у тебя? Ну-ка, благослови Господи, а я посторожу.

Гриша лезет в окно, Пелагея, стоя на крыльце, смотрит то в окно, то за Гришею, то в сад.

Пелагея. Эх, неловкий какой! Чего суешь без толку. Подбери, как следует. Аль ручки дрожат? Письма-то те ли, смотри – по адресу – Федору Ивановичу. Руку мачехину знаешь, чай? (Оглядываясь). Скорей, скорей, Гришенька! Идут! Вылезай... держись... подсажу... вот так...

Гриша вылезает из окна с пачкою писем в руках.

Пелагея. Умаялся, бедненький! Вспотел, красный весь, точно из бани. Ну, зато бабушка спасибо скажет да старец благословит... А ведь это он, братец твой. Федор Иванович – легок на помине. Аль не сюда? Нет, сюда, сюда. Да письма-то спрячь! Чего в руках держишь; как напоказ выставил? Ну, я, Гришенька, в кустики, а ты братцу зубы заговаривай, а то увидит в кустах кавалера с девицею – нехорошо подумает.

Пелагея убегает в кусты. Выходит Федор.

III

Гриша и Федор

Федор. А, Гриша! Посетил отшельника. Ты ведь еще ни разу не был в моем «Эрмитаже». (Отпирает дверь). Милости просим!

Гриша. Нет, Федя, я на минутку. Лучше здесь, а то у тебя, должно быть, душно там – заперто все.

Федор. Да, вот запираюсь: няня пугает, что народ воровской, хулиганы шляются, – убьют и ограбят. А мне здесь хорошо: заниматься никто не мешает. Ведь мы с тобой – монахи, отшельники... Ну, садись, будь гостем! Вместе живем, а сто лет не видались и не поговорили ни разу, как следует... Да что ты как будто не в духе? Аль все еще сердисься? Ну, право, голубчик, не стоит. Язык мой – враг мой. А ты всякого лыка в строку не ставь...

Гриша. Полно, Федя, мы с тобою люди не глупые: ты знаешь, что я не сержусь.

Федор. Даже не сердисься? Значит, совсем плохо?

Гриша. Да, трудно мне с тобой. Говорить не умею: нет слов, нет голоса. Да и что говорить? Все равно не услышим друг друга: уж очень мы разные.

Федор. И разные, да схожие. Яблочко от яблони недалеко падает.

Гриша. Тем хуже, Федя.

Федор. Может быть. Не знаю. А мне все кажется, что мы могли бы понять друг друга.

Гриша. Понять не значит принять.

Федор. Да ведь человека можно принять только в действии; а мы с тобою – ну вот: как я сказал – монахи, отшельники, бездельники.

Гриша. Нет, Федя, ты не без дела.

Федор. Только дело мое скверное?.. Эх, брат, не так мы с тобою говорим – опять поссоримся, а ведь я мириться хотел.

Гриша. Ничего ты не хотел. Ты опять за свое.

Федор. За что?

Гриша. Издеваешься.

Федор. Что ты, Гриша. Бог с тобой! И не думаю...

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Гриша. Нет, думаешь.

Федор. Ну, так значит нечаянно... Опять бес – «тихий бес», что ли?

Гриша. Да, тихий бес.

Федор. А в тебе его нет?

Гриша. И во мне, и во мне! Но я его ненавижу. А ты любишь – беса богом сделал...

Федор. Ну, беса Богом, или Бога бесом, – это еще вопрос, что лучше... Полно, Гриша, не будем горячиться, страшные слова оставим. А насчет издевательства, ты ошибаешься: я, скорее, завидую. Верю, что веришь... или хочешь верить. Может быть, по вере и сделаешь: от всего уйдешь, схиму примешь, отдашь плоть на распятие, будешь подвижником. Но ведь и это, и это все – «ах, как красиво!» – декадентство, эстетика, наш первородный грех. Так-то, брат: с Богом ли, с бесом ли, а для красного словца не пожалеем и отца... Об отце-то кстати: не обижай старика. Я давно ушел, ты у него один остался. К старцу своему успеешь, а отца не обижай.

Гриша. Благодарю за совет, – только смотри, как бы тебе отца не обидеть.

Федор. Что это, угроза или пророчество?

Гриша. Нет; тоже совет. Уезжай от нас поскорее – тебе наш воздух вреден.

Федор. Не бойся, уеду. А все-таки... неужели так и расстанемся? Ведь мы когда-то любили друг друга.

Гриша. Любили.

Федор. А теперь... ненавидим?

Гриша. Я не тебя, а твое ненавижу.

Федор. И не пощадишь при случае?

Гриша. Не пощажу.

Федор. Значит, Каин и Авель?[23]

Гриша. Я не Авель, а если ты хочешь быть Каином...

Федор. Ну, ладно, хоть за правду спасибо (Гриша встает). Уходишь? Так и уходишь?

Гриша. Да, прощай.

Федор. Ну, на прощание дай руку.

Гриша. Зачем? Если в знак...

Федор. Без всяких знаков. Просто дай.

Гриша. Нет, Федя, я лгать не хочу.

Федор (усмехаясь). Ну, Бог с тобой... Бог или бес, уж право не знаю.

Гриша идет по дороге к пруду, а с другой стороны, из аллеи – Катя.

IV

Федор и Катя.

Федор. Наконец-то, Катя!

Катя. Ждали меня?

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Федор. Ждал. А вы не знали?

Катя. Как же я могла знать?

Федор. А все-таки знали?

Катя (улыбаясь). Ну, конечно, знала!

Федор. Как вы это сказали...

Катя. А как?

Федор. Непохоже на вас. Как обыкновенная милая барышня из повести Тургенева. Под стиль «Эрмитажу».

Катя. Да я и есть обыкновенная.

Федор. Не совсем... И для чего я вас ждал, тоже знаете?

Катя. Нет, не знаю.

Федор. Катя, зачем?

Катя. Ну, не сердитесь. Ждали, чтоб тот разговор наш давнишний кончить. Да ведь, пожалуй, кончить нельзя?

Федор. Если захотите, можно. (После молчания). А знаете, Катя; мне все «Близнецы» вспоминаются.

Катя. Какие близнецы?

Федор. Да вы же сами читали; помните? «Близнецы» Тютчева.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь?
А может быть, и больше, чем близнецы. Есть древняя статуя – бог смерти и любви – один и тот же бог...

Катя. Да, знаю.

Федор. Статую знаете или вот это, о чем я говорю?

Катя. И это.

Федор. Неужели знаете?

Катя. Не говорите, не надо...

Федор. Опять «Молчание», «Silentium»?

Катя молча наклоняет голову.

Федор. А отчего это, Катя – сами вы грустная-грустная, а от вас – радость? Смотришь на вас, и кажется, что будет радость.

Катя. Да, будет радость.

Федор. Ну вот, вы же знаете! Отчего же не хотите сказать?

Катя. Нельзя. Не надо. Мы теперь все молчим, потому что «спим от печали».

Федор. Как это – «спим от печали»?

Катя. А помните, в саду Гефсиманском, Он сказал ученикам: «бодрствуйте», и ушел от них, а когда вернулся, то увидел, что они «уснули от печали». Мы все – «от печали спящие». Но, может быть, уснули от печали – проснемся от радости.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org

Федор. А отчего же радость? Или тоже нельзя сказать?

Катя. Нельзя.

Федор. Катя, милая, да ведь радость только от одного?..

Катя опять молча наклоняет голову.

Федор. И вы уже любите?.. Простите, я немного с ума схожу...

Катя. Нет, вы спросили, как надо, и я вам отвечу потом... Смотрите! Смотрите! Солнце сквозь дождь – дождь золотой! Как хорошо!

Выбегает из-под крыльца в сад, поднимает руку и подставляет лицо под дождь.

Катя.

Дождик, дождик, перестань!
Мы поедем на Иердань,
Мы поедем на Иердань...
А дальше, вот, и не помню.

Федор.

Богу помолиться.

Христу поклониться.

Катя. Да, да! Как это вы вспомнили? Значит, тоже пели?

Федор. Должно быть, пел.

Катя. И теперь вдруг вспомнили?

Федор. Да, как во сне. Сейчас ведь все, как во сне, Катя.

Катя. Нет, наяву – во сне и наяву вместе. А вам иногда не кажется... ну, вот, такое странное чувство, что все это уже было – было и будет?

Федор. Да, кажется.

Катя. И вы не верите?

Федор. Чему?

Катя. Да вот, что было и будет – будет всегда, если захочешь? Если очень, очень хотеть, то будет, не может не быть?

Федор. И это чудо?

Катя. Ну, да. Вот все, что сейчас – солнце сквозь дождь, дождь золотой, и то, что мы оба пели Иердань, и забыли, и вдруг вспомнили, все – чудо, наше чудо, наше знаменье... Не верите?

Федор. А вы, Катя?

Катя. Ну, конечно, верю.

Федор. Опять, опять – «милая барышня»!

Катя. А вот и потемнело, потухло – кончено... Нет, нет, смотрите, смотрите – радуга! Значит, верно: было и будет – будет радость!

Возвращается на крыльцо, садится на скамейку и молча склоняет голову на руки. Федор стоит перед нею, тоже молча.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Федор. Катя, радость моя...

Катя (подымая голову и улыбаясь). Ну, что?

Он опускается на колени. Она кладет ему руки на плечи.

Катя. Зачем? Я же знаю: уедешь, и больше никогда не увидимся... Ведь надо, так надо? Нельзя иначе?

Федор. Нельзя. И почему – тоже знаешь?

Катя. Знаю... нет... Все равно. Не говори. Не надо.

Федор. А все-таки – любишь?

Катя. Люблю.

Занавес.

Действие третье

На антресолях комната Ивана Сергеевича. Низкий потолок, полукруглые окна. Открытая стеклянная дверь на балкон; сквозь нее видна липовая аллея и вдали над прудом павильон в парке. Маленькая железная кровать. Большой письменный стол. Старинный кожаный диван. Шкафы и полки с книгами. По стенам статистические карты и таблицы; портреты Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова. Раннее утро. Косые лучи бьют прямо в окна.

I

Иван Сергеевич, Катя, Гриша. Иван Сергеевич ходит по комнате, курит и пьет чай. Гриша, за письменным столом, низко наклонившись, рисует. Катя у окна, в луче солнца, за отдельным столиком с пишущей машинкой, поправляет корректуру.

Иван Сергеевич. А потому и не верю, что 57 лет на свете прожил и ни одного чуда не видел.

Гриша. А, может быть, наоборот: не видели, потому что не верите?

Иван Сергеевич. А ты веришь и видел?

Гриша. Видел.

Иван Сергеевич. Удивительно! Математик – таблицу умножения отрицает: дважды два пять.

Гриша. Ну, нет, это не так просто. Таблица умножения – не вся математика. Вы Лобачевского[24] знаете?

Иван Сергеевич. Геометрия четвертого измерения? Да ведь это, брат, темна вода во облацех – что-то вроде спиритизма.

Гриша. Нет, совсем в другом роде. И теорию «прорывов» не знаете?

Иван Сергеевич. К чему тут «прерывы»?

Гриша. А к тому, что математическое понятие «прерыва» и есть понятие «чуда», – заметьте, чуда, а не фокуса.[25]

Иван Сергеевич. Да ты брось метафизику, ну ее к черту! вы с Федей одного поля ягода: оба метафизикой душите. Сойди с неба на землю, говори попросту.

Гриша. Ну, ладно; давайте попросту. Вы, вот, социалист-народник: а социализм – чудо, и народ – чудо.

Иван Сергеевич. Эвона! Да ты, брат, ступай-ка в деревню, посмотри, какие

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org
там чудеса – пьянство, хулиганство, голод, сифилис – реализм жесточайший,
железнейший! А это у вас, господа, все – романтика, отрывка
славянофильская...

Гриша. А вы-то сами, папа, не романтик, что ли? Да ведь, если народ не
чудо, так чудовище... И как же вы его любите, а душу его ненавидите, – веру
его отрицаете, правду единственную?

Иван Сергеевич. Отрицаю невежество, бессмыслицу...

Гриша. Полно, папа, Паскаль и Достоевский были не глупее нашего.

Иван Сергеевич. Эх, Гриша, не сговориться нам! Чтобы в наш век люди
мыслящие, образованные в чудеса верили – и ведь искренне, я же вижу, что
искренне... нет, отстал я от вас, должно быть, – устарел, из ума выжил.
Ничего, ничего не понимаю, хоть убей! (После молчания). Ну, и что же, много
вас таких?

Гриша. В России немного, потому что вообще немного людей образованных, а во
Франции, в Англии, в Америке – с каждым днем все больше. А оттуда и к нам
придет – как все, с опозданием.

Иван Сергеевич. Да, чудеса, чудеса в решетке! Век живи, век учись... Ну, а вы,
Катя, тоже в чудеса верите?

Катя. Вы спрашиваете так, что ответить нельзя.

Иван Сергеевич. Почему нельзя?

Катя. Потому что в вере сказать – значит, сделать, а я чудес не делаю.

Иван Сергеевич. Значит, не верите?

Катя. Нет, не значит. Я не могу сказать, что верю в чудо, – в одно,
единственное, последнее – в чудо чудес, – ну, вот, как «воскресение
мертвых», но в чудеса я верю.

Иван Сергеевич. Ну, хоть одно скажите, маленькое, малюсенькое!

Катя (улыбаясь, но очень серьезно). Маленьких нет, есть только большие,
огромные. Мы оттого и не видим их, что огромные, – вот, как на горе, не
видишь горы.

Иван Сергеевич. Ну, все равно, скажите огромное.

Катя. Да вот, хоть то, что я – не вы, вы – не я, а мы все-таки говорим с
вами, сообщаемся. Человек от человека, как звезда от звезды, – а общаться
могут... или нет, пожалуй, не могут, а только хотят, но и хотеть общаться –
уже чудо огромное. Да и все – чудо: и жизнь, и смерть, и день, и ночь, и
каждая звезда, и каждая зарница на небе...

Гриша (обернувшись к ней и глядя на нее в упор). И дождь золотой, и радуга?
Вот как вчера, Катя, помните?

Катя. Да, и дождь золотой, и радуга. А вы их тоже видели?

Гриша. Куда ты, Гриша? Что с тобой?

Гриша. Ничего. Спросите Катю, что с нею.

Гриша уходит.

II

Иван Сергеевич и Катя.

Иван Сергеевич. У вас с ним что-нибудь вышло?

Катя. Не знаю... Нет; ничего. Кажется, ничего.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org

Иван Сергеевич. А, может быть?.. (Вдруг умолкает и смотрит на нее пристально).

Катя. Что вы хотели сказать?

Иван Сергеевич. Пустяки. Все суюсь в воду; не спросясь броду. (После молчания). Да, Катя, все что-то неладно у нас, какая-то черная кошка между нами бегаёт... А, может быть, *das ist eine alte Gesschichte?*[26] Опять – два поколения, «отцы и дети», только шиворот-навыворот: за что прежде отцы стояли, – теперь дети. И это бы еще ничего, что в метафизике, в чудесах, в миндалях небесных, а скверно, что и в земном; насущном – ну, вот что сейчас нужно для России, – любим разное, хотим разного...

Катя. Нет, хотим одного.

Иван Сергеевич. Так ли, Катя? Ведь вот, Гриша...

Катя. О Грише не знаю, но я с вами хочу одного.

Иван Сергеевич. А если так, то к черту ли ваша метафизика? Дела не делаем, а только языками стучим...

Катя. Нет, молотами, – вот как в оружейной мастерской. Старое оружие сломано – куем новое – для той же войны, для вашей же.

Иван Сергеевич. Может быть, Катя, может быть. Вам лучше знать... А я, видно, стар стал, глуп стал – ничего не понимаю в вашей метафизике.

Катя. Не понимаете нашей, – а по своей живете лучше нашего?

Иван Сергеевич. Какая же у меня метафизика?

Катя. Все та же – старая, вечная. Вы сами знаете.

Иван Сергеевич. Нет, дружок, не знаю, право, не знаю.

Катя. Ну, и не знайте. Может быть, вам и не надо знать.

Иван Сергеевич. А вы за нас знаете?

Катя. Да, знаем за вас и любим вас. Дети отцов ненавидели, а теперь любят: в этом вся разница. От вас ушли и к вам придем – только с новым оружием.

Стук в дверь.

Голос Федора (из-за двери). Можно войти?

Входит Федор.

III

Иван Сергеевич, Катя и Федор.

Иван Сергеевич. Что ты, Федя, по-иностранному? Видишь дверь и ломись.

Федор. А вы тут опять спорили?

Иван Сергеевич. Да, и знаешь, а чем?

Федор. О чем?

Иван Сергеевич. О чудесах – о золотых дождях да радугах.

Федор. А-а! То-то я видел, у Гриши лицо вытянулось... (Переглянувшись с Катей). И вольно же вам! До добра не доспоритесь. (После молчания). А я; папа, к вам по делу...

Катя встает.

Федор. Катя, вы мне не мешаете.

Катя. Нет, Федор Иванович, мне самой нужно: я с няней обещала в город.

Катя уходит.

IV

Иван Сергеевич и Федор.

Иван Сергеевич. Что ты, Федя, так торжественно?

Федор. Нет, ничего. А только, папа, голубчик, не огорчайтесь: мне уезжать пора...

Иван Сергеевич. Уезжать? Как же, Федя, так скоро? Не ложилось тебе у нас, что ли?

Федор. Нет; папа, вы знаете, что мне у вас всегда отлично живется, а только надо еще за границу до осени. Я ведь вам говорил, помните?

Иван Сергеевич. Да, говорил... Ну что ж... за границу... (После молчания). Федя, в чем дело? Федя, родной, мальчик мой, в чем дело, в чем дело? Ведь я же измучился... Скажи ради Бога, – право, легче будет... Уж не с Таней ли у вас что-нибудь? (Федор молчит). Знаешь, Федя, я с тобой давно хотел о Тане... о Татьяне Алексеевне...

Федор. Папа, не надо, мы и так говорим слишком много: не стучась, в двери ломимся.

Иван Сергеевич. Нет, голубчик, не бойся, – я к тебе ломиться не буду. Я не о том, что ты думаешь: я о себе самом. Я ведь что говорю, Федя, пойми; когда дети взрослые, второй брак отца вина не вина, а хуже вины. Вместо матери мачеха – это ведь, пожалуй, хуже, когда взрослые. Тут боль, тут кровь, тут темное, страшное – об этом говорить нельзя...

Федор. И не надо, папа, не надо...

Иван Сергеевич. Нет, Федя, выслушай. Ну, право, легче будет... Помнишь; я тебе рассказывал... да тут не расскажешь... Ну, как в захолустье-то нашем губернском; в номерах для проезжающих, мы с нею встретились. Одна, без копейки, больная. Антрепренер, подлец; обманул; бросил, после этого скандала; помнишь; с купчиком-то Золотушкиным, издателем «Пандорина ящика»: декадент, банкир: старовер; спортсмен, авиатор, сверхчеловек – ну, словом, прохвост из нынешних. Едва на содержание к нему не попала. «Собачонка; у которой колесом трамвая задние ноги переехало»; – так себя чувствовала. «Собаке собачья смерть»; – все повторяла: тоже ведь из ваших, из «самоубийц естественных». Ну, вот; тут-то я и подвернулся – рыцарь, благодетель, спаситель! Обрадовалась – все-таки лицо не звериное. А я, как мальчишка... Ты ее на сцене видел, Федя?

Федор. Видел.

Иван Сергеевич. Ну, что, как?

Федор. Я ничего не смыслю.

Иван Сергеевич. Да ведь и я, брат, не смыслю, А только все говорят: талант; – вторая Ермолова[27]... А для меня ведь и сцену бросила. Обжегшись на молоке; дует на воду: «Сцена, – говорит. – та же проституция»... Да, Федя, сгруппировал я на старости лет, как мальчишка. Ну, разве мы пара? Я ведь ей в отцы гожусь. У нее художество, эстетика – «вечность и красота», а у меня «кооперативное движение Калитинского уезда» – сушь, цифирь. статистика... разве я могу ее понять? И как я обрадовался, что вы с нею сошлись. Ну, слава Богу, думаю, теперь полегчает. И вдруг... Федя, да ты меня не

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org
слушаешь?.. Федя, голубчик, что ты? Что с тобой? нездоровится, что ли?

Федор. Нет, ничего. Душно здесь: голова немного кружится. Ну, говорите же, я слушаю. А что усмехаюсь как будто, так вы же знаете, что у меня такой тик в лице... Ну, да и нездоровится тоже. Мы ведь все тут больные – и я, и Гриша, и Катя, и Татьяна Алексеевна, и вы, папа. Вы здоровее всех, но и вы заразились от нас. Как раненые, на одной койке, все вместе, в куче: пошевелиться нельзя, чтобы не сделать больно друг другу. Или вот еще, как в узком сапоге пальцы, натерли друг другу мозоли – надо снять сапог – расстаться, разъезжаться...

Иван Сергеевич. Федя, да что же, что же такое? Если бы только знать что...

Федор. Не говорите, папа! Нельзя сказать... ничего, ничего нельзя сказать... Молчание! «Silentium».

Быстро наклоняется, целует руку отца и уходит. Иван Сергеевич долго сидит, не двигаясь, как будто в оцепенении, не сводя глаз с двери, в которую вышел Федор. Слышен скрип ступеней, стук костыля и тяжелые шаги по лестнице. Потом голоса Пелагеи и Домны Родионовны.

Голос Пелагеи. Сюда, матушка, сюда! Ручку пожалуйста. Крутенька-то лестница.

Иван Сергеевич идет к двери и открывает ее.

Домна Родионовна и Пелагея.

V

Иван Сергеевич, Домна Родионовна и Пелагея.

Домна Родионовна. Ох, смерть моя!.. Задохлась!

Иван Сергеевич (усаживает ее в кресло). Зачем же вы, матушка, по лестнице? Послали бы за мной.

Домна Родионовна. Ничего, небось, покуда ноги носят, и сама доползу – невелика барыня! А давненько мы с тобой не видались, Иван. В одном доме живем, а розно. Все недосуг тебе, да со старухой-то невесело, чай? Хоть сам немолод, зато жена молодая. Ну, как живешь-можешь, зятюшка?

Иван Сергеевич. Как ваше здоровье?

Домна Родионовна. Какое уж мое здоровье! В могилу пора, старым костям на покой. Живу, небо копчу, да вот за вас всех молюсь. Тебе-то молитва моя не нужна, Бога забыл, – ан, может, когда и не чаешь. Бог тебя посетит... Ступай, Пелагеюшка, ступай, матушка. Подожди на лестнице, скличу ужо.

Пелагея уходит.

VI

Иван Сергеевич и Домна Родионовна.

Домна Родионовна. А у меня к тебе дело, Иван, да дело-то какое – и приступить не знаю как... Недоброго тебе я вестница, уж ты на меня на пеняй: сама не рада – ворона старая, беду тебе прокаркаю. Беда, говорю, в доме, беда, – а ты и не чуешь, не видишь... А я-то вот и слепая, да вижу все... Может, и знаешь, о чем говорю?

Иван Сергеевич. Нет, не знаю.

Домна Родионовна. О Татьяне Алексеевне.

Иван Сергеевич. Матушка, уговор у нас был, помните?

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org
Домна Родионовна. Эх, глупый ты, глупый, Иван. До седых волос дожил, а несмышленый все, как дитя малое. Об огне, что ли молчать, когда в доме пожар? Не от меня, так от людей узнаешь, – хуже будет. Стыда не замолчишь.

Иван Сергеевич. Что вы? Какой стыд?

Домна Родионовна. Двери-то запер ли?

Иван Сергеевич. Если о Татьяне Алексеевне, я слушать не буду.

Домна Родионовна. Да чего ты хорохоришься? Смирись. Иван, ой, смирись, говорю: пришла беда – отворяй ворота. Бог посетил – от Бога не уйдешь. Страшно впасть в руки Бога живого. Ну, поди же, поди сюда... Не хочешь о ней, о мачехе, так о сыне, о первенце твоём, о Федоре...

Иван Сергеевич. О Федоре? Что такое Федор? Говорите же...

Домна Родионовна. А ты нагнись-ка, нагнись. Этакое вслух не скажешь. Еще, еще – вот так...

Шепчет ему на ухо. Он слушает, потом вдруг выпрямляется и смотрит на нее в упор широко раскрытыми глазами, молча.

Домна Родионовна. Аль не веришь? Не веришь. – так спроси людей. Спроси Пелагею: своими глазами видела. Спроси Гришеньку.

Иван Сергеевич. Сумасшедшая!

Домна Родионовна. Ой, Иван, смотри, как бы тебе самому не рехнуться. Вот на, читай.

Сует ему в руки пачку писем. Он не берет.

Иван Сергеевич. Что это?

Домна Родионовна. Сам увидишь – читай. Руку-то женину знаешь?

Иван Сергеевич. Как вы смеете?

Домна Родионовна. Да ты чего горло дерешь, скандалишь? Аль и впрямь ума иступил?

Иван Сергеевич. Подлая! Подлая! Подлая!

Домна Родионовна (вставая). Что? Что? Мне, своей матери?... Дочь мою, покойницу Машеньку, жену богоданную, на потаскуху променял, на бабу гулящую...

Иван Сергеевич. Молчите! Или я вас...

Домна Родионовна. Ну, что ж, бей старуху слепую, вишь, расхрабрился!

Иван Сергеевич. Вон!

Домна Родионовна. Небось, не гони – сама уйду. Ноги моей больше не будет в доме твоём. Письма-то, письма возьми! (Бросает письма на пол). Может, когда и прочтешь – правду узнаешь... Пелагея! Пелагеюшка!

Голос Пелагеи (из-за двери). Здесь, матушка.

Входит Пелагея.

VII

Иван Сергеевич, Домна Родионовна и Пелагея.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org

Домна Родионовна. Ну, спасибо, зятюшка, за хлеб, за соль, за ласку многую..
Погоди; уж обо мне вспомнишь! Не слушался, хотел жить по-своему, – ну вот,
и допрыгался... Бесстыдники, безбожники, блудники окаянные! Будьте вы все
прокляты. Анафема! Анафема! Погибель дому сему!

Домна Родионовна и Пелагея уходят. Иван Сергеевич садится, опустив голову
на руки. Входит Татьяна.

VIII

Иван Сергеевич и Татьяна. Татьяна, стоя в дверях, смотрит на него молча,
пристально. Потом подходит, наклоняется и подбирает письма с полу.

Татьяна. Читали?

Он смотрит на нее так же молча, пристально.

Татьяна. Прочтите. (Подает ему письма. Он не берет. Она кладет их на стол).
Сказала вам?

Иван Сергеевич. Что сказала? Что сказала? Я ее выгнал из дому!

Татьяна. Выгнали, а все-таки... Не лгите. Я же вижу.

Иван Сергеевич. Таня, что ты? Таня, милая... неужели ты думаешь?..

Татьяна. Не читали? В самом деле? (Делает быстрое движение, как будто хочет
взять письма, но тотчас же отдергивает руку). Так прочтите.

Входит Федор.

IX

Иван Сергеевич, Татьяна и Федор. Татьяна идет к двери и, не дойдя,
опускается на стул. Иван Сергеевич подходит к ней.

Татьяна. Не надо, не надо... оставьте... не трогайте... (встает).

Иван Сергеевич. Таня, куда ты? Зачем, Таня; милая?

Татьяна. Оставьте, оставьте, оставьте!..

Уходит.

?

Иван Сергеевич и Федор.

Федор. Что это?

Иван Сергеевич. Не знаю, Федя. (Берет со стола и подает ему письма). Вот
на, возьми.

Федор. Что это? Что это?

Иван Сергеевич. Письма ее к тебе.

Федор. Ко мне? У вас?

Иван Сергеевич. Да; старуха, должно быть, украла.

Федор. Читали?

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org

Иван Сергеевич. Нет. Возьми же. Не хочешь? (Рвет письма и бросает).

Федор. Не верите?

Иван Сергеевич. Чему не верю? Чему не верю? Чему не верю? Да сговорились вы все, что ли? Или с ума сошли, в самом деле? (После молчания). Ну, полно же, полно, Федя... Ну, беда, несчастье... Не сумели уйти вовремя. Ну, вот и все... Все. Федя? Все? Что ж ты молчишь?. (Подходит и кладет ему руки на плечи и смотрит в лицо). Молчишь? Молчишь?

Федор идет к двери.

Иван Сергеевич. Федя, постой...

Федор, остановившись в дверях, оглядывается.

Иван Сергеевич. Ну, что ж? Ну, что ж?... Чья же вина?..

Федор. Уж не ваша ли?

Иван Сергеевич. Да, Федя, моя.

Федор. Прощаете?

Иван Сергеевич. Я себя не прощу.

Федор. А я себя прощу?

Федор уходит.

XI

Иван Сергеевич один. Идет к двери, вдруг останавливается и с тихим стоном хватается за голову.

Иван Сергеевич. Что я сделал! Что я сделал! Что я сделал!

Занавес.

Действие четвертое

Первая картина

Старинная белая зала с колоннами. Посередине комнаты – круглый стол; на нем лампа и самовар. Слева – стеклянная дверь на террасу, справа – в прихожую. Ночь.

I

Федор, Татьяна и Мавра.

Мавра. Лошади поданы, барыня. Вещи выносить прикажете?

Татьяна. Нет, погоди. Ступай. Я скажу.

Федор (смотрит на часы). Половина двенадцатого. Поезд в час с четвертью. Пока доедем до станции... Дорога скверная.

Мавра. Скверная, батюшка: яма на яме – не дай Бог, случится что, костей не соберешь. И куда, на ночь глядя? Подождали бы утречка. А то, вишь, темень какая, дождь, буря: добрый человек собаки не выгонит!

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Татьяна. Ну, хорошо. Ступай.

Мавра уходит.

II

Федор и Татьяна.

Федор. Что же, едем?

Татьяна. Сейчас, погодите. Что-то еще надо было... Да, письмо.

Федор. Да ведь вы его двадцать раз читали, наизусть помните.

Татьяна. Все равно, дайте.

Федор дает письмо. Она читает.

Татьяна. Где это, Солнышкино?

Федор. Недалеко, верст тридцать.

Татьяна. Он теперь там?

Федор. Нет, должно быть, выехал: я с нарочным ответил.

Татьяна. Значит, скоро здесь будет?

Федор. Скоро.

Татьяна. А вы верите?

Федор. Чему?

Татьяна. Да вот, что он пишет, чтоб все решили сами, и как решим, так и будет?

Федор. Таня, опять... Зачем?... Ведь мы решили...

Татьяна. Да, решили. И как хорошо, как просто! Иван Сергеевич с Катей в Москву, Гриша в монастырь к бабушке, вы в Петербург, а я на озеро Лугано, в санаторию к доктору Шидловскому... Павел Павлович Шидловский на озере Лугано... Боже мой, как глупо, как глупо! Иногда снится, что по узкому коридору идешь, все уже да уже – надо идти и некуда – стены сходятся...

Федор. Таня, если ехать...

Татьяна. Ну, что ж, едем... А ночь-то какая – добрый человек собаки не выгонит! Ох, Федя, устала я... Вот, кажется, легла бы на пол, да и лежала так, не двигаясь. И куда, зачем? Все равно, от себя не уйдешь. Разве ты не видишь, что пропали мы? Петля на шее – хотим развязать узел и только стягиваем...

Федор. Полно, Таня, ничего мы не знаем сейчас. Надо прийти в себя, опомниться... Ну, так значит, не едем?

Татьяна. Нет, погоди... все равно, со следующим поездом.

Федор. Он сейчас будет здесь.

Татьяна. Кто? Он? Нет, нет, только не он! Едем, едем! А знаешь, Федя, я ему не верю, а если и верю, то еще хуже. Я не понимаю, что это. Добродетель христианская, что ли? Ударили по правой щеке, подставляет левую?... А может быть. просто глупость, чепуха какая-то, стыдная, стыдная, подлая...

Федор. Не смей о нем так, не смей, слышишь!

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Татьяна. А-а, вот что! Значит, ты его все-таки...

Федор. Таня, довольно! Возьми себя в руки. Нельзя же так. В самом деле, глупо и подло. Ну, пусть, пропали – но надо же с достоинством...

Татьяна. С достоинством? Это не в твоём духе, Федя. Какое уж достоинство?

Федор. Все равно, кончать надо, решить как-нибудь...

Татьяна. Ну, хорошо, будем кончать. Позови Катю.

Федор. Катю? Зачем?

Татьяна. А ты думал, я не знаю? Ну, скажи, что ты ее...

Федор. Ничего не скажу, ничего не знаю. Разве можно так, с петлей на шее? Я уже сказал: я больше никогда не увижу ее, и она это знает.

Татьяна. А все-таки, все-таки?.. Ну, скажи, – что тебе стоит?.. Не хочешь? (подходит к двери на лестницу, открывает и зовет). Катя! Катя! вы еще не легли? Сойдите ко мне на минутку. Я сейчас уезжаю.

Федор. Ты сама петлю стягиваешь.

Татьяна. Не бойся, не на твоей шее. Ну, уходи, не мешай!

Федор уходит.

III

Татьяна и Катя.

Катя. Едете?

Татьяна. Еду, Катя, я хотела вам сказать на прощание... У меня к вам просьба большая – вот даже не знаю, как сказать...

Катя. Скажите просто. Я все, что могу, сделаю.

Татьяна. Сделаете? Обещаете?

Катя. Обещаю.

Татьяна. Катя, я ведь понимаю, об этом нельзя говорить. Мне самой трудно. Но если б вы знали...

Катя. Я знаю. О Федоре Ивановиче?

Татьяна. Катя, вы его любите?

Катя молчит. Татьяна опускается перед нею на колени.

Татьяна. Ради Бога, Катя, помогите, спасите меня! Одно слово, одно слово: любите, да?

Катя. Люблю.

Татьяна (обнимая стан ее). А он вас?.. Ну, что ж? Что ж вы молчите? Что вы на меня так смотрите?

Катя отстраняет руки ее, встает и отходит. Татьяна тоже встает и следит за нею пристально.

Татьяна. Испугались? опять, как тогда, испугались? Не верите?

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org
Катя. Да, не верю.

Татьяна. А все-таки ответьте, Катя. Ведь вы обещали...

Катя. Я не хочу говорить с вами.

Татьяна. Не хотите? Страшно?

Катя. Не страшно, а гадко. Вы лжете. Вы тогда лгали и теперь лжете.

Татьяна. Вот что! А знаете, Катя, не будемте-ка лучше ссориться: это для нас обеих невыгодно. Куда вы? Пойдите. Мы еще не простились, как следует. Наши счеты не кончены. Вы не знаете главного: Федя... извините... Федор Иванович – мой...

Катя. Молчите! Молчите! Я знаю...

Татьяна. Знаете? Не может быть! Знаете – и все-таки... так вот вы какая – «на аршин от земли, несуществующая, нерожденная, приживалка, втируша»! Втерлись-таки, родились, сошли на землю – удостоили. Ну, поздравляю! А я-то считала вас простенькой...

Катя. Какая вы грубая!

Татьяна. Грубая? А вы, нежная, не хуже нас, грешных, делишки свои устраиваете, в мутной воде рыбку ловите, моя милая девочка!

Катя. Пустите! Я не хочу быть с вами. Пустите, или я...

Татьяна. Или вы что? Позовете защитника. Как бы только рыцарь ваш не оказался плох. Любит вас, да ведь и меня любит. Обоих вместе. Невозможно? Для других невозможно, а для него все возможно. Я его знаю лучше вашего. Он мне сам говорил... а, может быть, и вам? Или ничего? Согласны и на это? Не брезгуете?..

IV

Татьяна, Катя и Федор.

Катя. Федор Иванович! Федор Иванович!

Федор. Что вы, Катя?

Катя. Нет, ничего... потом...

Катя уходит.

V

Татьяна и Федор.

Федор. Таня, что это?

Татьяна. Не бойся: все, как следует. Мы с нею кончили. Ты ведь сам говорил, что надо кончать. Ну, вот и кончили.

Федор. Да что, что такое? Что ты сказала ей?

Татьяна. Ничего не сказала – она и так знает все. А ты лгать хотел? И чтоб я покрывала, сводила вас?.. Полно, Федя, возьми и ты себя в руки... Ну, едем, едем!.. Пора. Я сейчас. Скажи Мавре, чтоб лошади, вещи...

Федор. Я не еду.

Татьяна. Не едешь? За нее испугался. А за меня не боишься?.. Ну, что ж, оставайся. Жди его. Ведь он простил. Было, как не было. До свадьбы заживет. Все по-хорошему. Ладком да мирком. Я не Федра, ты не Ипполит.[28] С такими, как мы, никогда ничего не бывает, кроме пошлости. И это значит – «с

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org достоинством». Фу! Я – грубая, бесстыдная, но я бы так не могла...

Федор идет к двери. Татьяна бросается к нему и обнимает его.

Татьяна. Федя, Федя, милый, куда ты? Неужели так, не простившись? Нет, Федя, я же знаю, ты любишь меня... и ее любишь, но ведь и меня тоже? Боишься, что обеих вместе? Ничего, не бойся: я для тебя все могу, все вынесу. Я же знаю, что вернешься ко мне. Ты не можешь ее так любить, как меня. Ты для меня отца не пожалел. Федя, подумай, – отца!

Федор. Ступай прочь! Сумасшедшая... (Отталкивает ее).

Татьяна (падает на колени и обнимает ноги его). Нет, Федя, нет, не гони! Пусть сумасшедшая, но ведь и я человек. Нельзя же так, как собаку... Федя, сжался! Ну, хочешь, умрем вместе сейчас? Хочешь? Пойдем туда, к тебе... в последний раз, в последний раз, мальчик мой, родной, любимый, единственный!

Федор. Уходи! Уходи! Уходи! (Вынимает револьвер).

Татьяна. Постой, Федя, не надо... иду, иду...

Федор (прячет револьвер, идет к двери и открывает ее). Мавра! Мавра! Велите вещи выносить, барыня едет.

Татьяна проходит мимо него и останавливается.

Татьяна. Федя...

Федор. Ступай! Ступай!

Татьяна. А все-таки помни: вернешься ко мне. До свидания! До свидания!

Татьяна уходит.

VI

Федор один.

За дверью голоса и топот шагов. Потом стук колес и звон колокольчика. Федор открывает стеклянную дверь на террасу. Ветер врывается в комнату. Лампа мерцает, меркнет, почти гаснет. Он вглядывается в темноту и прислушивается. Колокольчик затихает вдали. Входит Катя.

VII

Федор и Катя.

Катя. Федор Иванович, где вы?

Федор. Здесь, Катя.

Катя. Что вы делаете?

Федор. Ничего. Жду. Колокольчик – слышите?

Катя. Татьяна Алексеевна?

Федор. Нет, он.

Катя. Кто? Иван Сергеевич?

Федор. Да, от Солнышкина. Слышите?

Катя. Ничего не слышу.

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Федор. Странно. Чудится мне, что ли?.. Вот, вот опять.

Катя. Нет, только ветер и дождь.

Федор. Да, ветер и дождь. Какая ночь! Добрый человек собаки не выгонит... Ну, я пойду, Катя...

Катя. Куда?

Федор. К себе, в Эрмитаж.

Катя. Не уходите, Федор Иванович. Страшно...

Федор. Страшно? Отчего же страшно?

Катя. Не знаю. Не уходите!

Федор. Она вам сказала?

Катя. Сказала.

Федор. И что люблю обеих вместе? А разве можно обеих вместе даже такому, как я, разве можно, Катя?

Катя. Нельзя.

Федор. Так как же?

Катя. Вы одну любите.

Федор. Кого?

Катя. Не знаю.

Федор. Не знаете? И вы, Катя, не знаете?.. Я тут сейчас едва не убил ее, как собаку. Как собаку, выгнал... и все-таки люблю?

Катя. Может быть, любите.

Федор. И к ней вернусь? От вас – к ней? Или к другой – все равно. И другая – тоже она. Она одна – всегда, везде. Только вы и она. Обеих вместе нельзя, а одну не могу... Уйдите, Катя. Видите, я брежу, с ума схожу... уйдите!

Катя. Нет, не уйду.

Федор. Прощаете? И вы прощаете, как он? И с этим жить? Кто прощает врагу, собирает горящие угли на голову его. [29] На голове «макаки» – угли горящие. И вы смотрите и жалеете. И Таня жалела, тут вы с нею... Катя, зачем вы меня слушаете? Уйдите же... (Молчание). Вот опять! Слышите? Неужели и теперь не слышите?

Катя. Да, слышу: едут. Далеко.

Федор. Нет, близко. Вот, вот, как близко, слышите?

Катя. Что с вами, Федор Иванович?

Федор. Боюсь. Катя, ох, как боюсь! лица его боюсь... Мне все одно и то же снится: будто я с нею, и он тут же, но мы его не видим, а только знаем, что он. Я когда-нибудь с ума сойду, умру во сне от ужаса... Ну, скорее, скорее, Катя, прощайте! Прощай, милая, радость моя! Какие у тебя волосы! Если их распустить, – будет дождь золотой – солнце сквозь дождь...

Катя. Что ты, Федя, как будто навеки прощаешься?

Федор. Навеки? Нет, увидимся. Помнишь, дождь золотой? Помнишь радугу? уснем от печали – проснемся от радости. Будет радость, будет радость! Перекрести же меня, поцелуй. Вот так. Ну, а теперь...

Слышен звон колокольчика и стук колес.

Катя. Куда ты, Федя?

Федор. Он! Он! Ступай к нему, скажи ему все, – как я люблю его, как я вас всех люблю... Не пускай его ко мне... скажи, что уехал... Ступай же, ступай, ступай, если любишь меня!

За дверью слышен голос Ивана Сергеевича. Катя уходит.

VIII

Федор один. Идет на террасу, вынимает револьвер. Оглядывается, прислушивается. За дверью голоса Ивана Сергеевича и Кати. Федор выбегает в сад. Комната несколько минут остается пустою. Потом входит Иван Сергеевич и Катя.

IX

Иван Сергеевич и Катя.

Иван Сергеевич. Уехала? И он с нею?.. Катя, неправда. Он здесь. Не хочет видеть меня. Все равно, пойдём к нему. Где он?

Катя. Нет, не надо... постойте...

Иван Сергеевич. Почему не надо? Что с ним? Где он?

Из сада, сквозь шум дождя и ветра, слышен далекий глухой выстрел.

Иван Сергеевич. Что это? Что это?

Катя стоит неподвижно. Потом вдруг выбегает на террасу и в сад.

Катя. Федя! Федя! Федя!

Занавес.

Вторая картина

I

Терраса с колоннами, та же, что в первом действии. Поздняя осень, деревья сада полуголые. Дорожки усыпаны желтыми листьями. Вечер. Благовест. Гриша и Катя. Гриша сидит в саду на скамейке и читает письмо. Катя идет с террасы в сад и проходит мимо Гриши.

Гриша. Куда вы, Катя?

Катя. Никуда – в сад. Хочу пройтись.

Гриша. Можно с вами?

Катя. Можно...

Гриша. Вы говорите: можно, – как будто нельзя.

Катя. Я к Феде на могилу, а вы туда не ходите.

Гриша. Ну. Ступайте.

Катя. Вы что-то хотели мне сказать?

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Гриша. Да, хотел.

Катя. Говорите, я слушаю.

Гриша. От Татьяны Алексеевны письмо.

Катя. А-а. Ну, что же?

Гриша. Все то же, денег просит.

Катя. Опять денег?

Гриша. Да. Собирается на сцену, кажется. «Федру» хочет играть. И еще о «святости искусства» пишет, о «красоте и вечности»...

Катя. Об этом вы и говорить со мной хотели?

Гриша. Нет, не об этом.

Катя. Так о чем же? Что это вы, Гриша, все с подходцем – уж лучше бы попросту...

Гриша. Я уезжаю, Катя...

Катя. В монастырь, к бабушке?

Гриша. Да, сначала к ней, а потом куда старец пошлет.

Катя. Ну, что ж, с Богом. Ведь вы давно решили?

Гриша. Решил, но вот не знаю, как отцу сказать.

Катя. Жалко, что ли? Полно, Гриша, что за жалость! Снявши голову, по волосам не плачут. Кончайте, что начали. И чем скорее, тем лучше.

Гриша. «Что делаешь, делай скорее»? [30] (Катя молчит). Вам тяжело со мною, Катя?

Катя. Тяжело. Да... и ненужно. Мы все равно не пойдем друг друга... Ваша беда, Гриша, что вы кое-что имеете, но больше берете на себя, чем имеете.

Гриша. Беру чт? дают.

Катя. Кто дает? Старец, бабушка?

Гриша. Да, они, а через них – миллионы, века и народы.

Катя. Ну, века и народы уже не с вами.

Гриша. Были и будут с нами.

Катя. А если не будут. – огнем истребятся?

Гриша. Это не я сказал.

Катя. Но вы не пожалеете, как брата не пожалели?

Гриша. Не говорите о брате. Вы не знаете...

Катя. А вы знаете – и успокоились, умыли руки? Не ваша воля? Опять старец да бабушка? И совесть не ваша? Святое послушание, смирение, венец христианской добродетели?

Гриша. Ничего, ничего вы не знаете, Катя, – муки моей не знаете...

Катя. От кого мука? Уж не от Того ли, чье имя вы так легко называете?

Гриша. А вы и назвать не хотите?

Катя. Не хочу при вас. Для него вы и брата убили?

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Гриша. Что вы говорите, что вы говорите, Катя?

Катя. Говорить нельзя, а делать можно? Говорить: Господи! Господи! – и делать то, что вы с братом сделали...

Гриша. Бог с вами, Катя! Может быть, когда-нибудь...

Катя. Нет, никогда... А вам казалось, Гриша, что вы меня любите?

Гриша. Я вас любил и теперь люблю.

Катя. Ну, так помните: никогда, никогда не прощу! Ступайте. Вот Иван Сергеевич. Ступайте же!

Иван Сергеевич выходит из дома на террасу.

II

Гриша, Катя и Иван Сергеевич.

Катя. Иван Сергеевич, постойте! (Взбегает на террасу и хочет взять его под руку).

Иван Сергеевич. Полно, Катя: ноги еще носят, слава Богу! Я сегодня молодцом – видишь, погулять захотелось.

Иван Сергеевич идет в сад. Катя усаживает его на скамейку.

Катя. Не сыро ли? Хотите что-нибудь на ноги? Я сбегаю.

Иван Сергеевич. Нет, тепло, хорошо. Не суетись... И что ты со мною все, как с маленьким, нянчишься?

Катя. А вы не капризничайте. Лекарство приняли?

Иван Сергеевич. Ну их! Этакий вечер да воздух лучше всех лекарств.

Гриша (встает и целует отца). Доброй ночи, папа.

Иван Сергеевич. Опять к старцу, Гриша?

Гриша. Да. Может быть, поздно вернусь или переночую в обители... (После молчания, с усилием, тяжело и прерывисто). Папа, а что же мне старцу сказать?

Иван Сергеевич. О чем?

Гриша. Да вот, что к бабушке еду, может быть, университет брошу, а там в монахи или в священники...

Иван Сергеевич. Ну, так что же, Гриша? В чем дело?

Гриша. Я уже вам говорил: без вашего согласия старец не благословит... не отпустит меня.

Иван Сергеевич. Что ты, Гриша, Бог с тобой! Да разве я когда-нибудь мешал тебе жить по-своему?... И неужели твой старец не понимает? Ну, если не понимает, так скажи ему: согласен, согласен на все.

Гриша. Папа, я бы и сам не хотел против вашей воли...

Иван Сергеевич. Нет, Гриша, должно быть, и мы друг друга не понимаем, или я не умею сказать.

Катя. Полно, Гриша! Ну, зачем вы опять?... Ступайте...

Иван Сергеевич. Постой, Катя... Гриша, я не могу, не умею, вот как он, твой

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosofff.org
старец, – слов у меня таких нет... но я тебя и без слов... мальчик мой милый,
родной мой, единственный... я же люблю тебя, верю в тебя, знаю, что хочешь
добраго. Ну, живи по-своему, по душе, по совести... Ну, Господь с тобой!
Господь с тобой!

Иван Сергеевич обнимает Гришу. Тот целует его и быстро уходит, как будто
убегает.

III

Иван Сергеевич я Катя. Катя садится рядом с Иваном Сергеевичем, берет
голову его, кладет себе на плечо и ласкает, гладит волосы.

Иван Сергеевич. Ну, вот и он ушел. Одни мы с тобою остались, Катя. А потом
и ты... Ведь и тебе пора...

Катя. Не надо, милый... Зачем? Вы знаете, что я от вас не уйду.

Иван Сергеевич. Что ты, Катя! Не век же тебе со мной, стариком, вековать. У
тебя своя жизнь – вся жизнь впереди, а я... Ну, да и я здесь не останусь.
Пусто, холодно – весь дом точно вымер. Бабушка-то, помнишь, все каркала:
«быть худу! быть худу!» – вот и накаркала... пусто, – только могила
бескрестная... Да хоть бы и не пусто... Нельзя мне здесь оставаться. Вот
подлечусь немножко и опять на работу. Опять к ним, к верным друзьям, на
верное дело. С ними начал жизнь, с ними и кончу. Уж теперь никуда не уйду...

Катя. И я, и я с вами! Как же вы не видите, что я к тому же пришла, что и я
уж никуда не уйду, и некуда, больше. Если бы вы знали, что вы для меня
сделали.

Иван Сергеевич. Я для тебя?

Катя. Ну да, вы. О самоубийстве, помните? Как я мучилась тогда! Главное –
тем, что тут правда с ложью сплелась...

Иван Сергеевич. Какая же правда в самоубийстве?

Катя. Да нет, не в самоубийстве! А чтобы душу потерять: кто душу свою не
потеряет, тот и не сбережет ее...[31] Как я мучилась тогда, понять не могла,
а вот теперь понимаю!

Иван Сергеевич. Да, ты об этом! Знаешь, Катя, как странно... ведь и я все
думал, когда еще с ними, с прежними друзьями был, – что это значит:
потерять – сберечь душу. Думал, понять хотел... (Помолчал). И, знаешь, разве
они... не такие же были? Не самоубийцы, нет, а вот... жертвенные, подвижники,
«града взыскующие»... Нового града – прежде всего, а о себе и о душе своей не
думали.

Катя. Видите, видите, поняли, лучше моего знаете!

Иван Сергеевич. Нет, Катя, не знаю, ничего я не знаю. Тогда ведь запутался,
– может быть, потому и ушел от них.

Катя. А теперь к ним же вернетесь?

Иван Сергеевич. Вернусь. Откуда ушел, туда и вернусь – на то же место. Не
могу не вернуться.

Катя. Нет, не то: теперь уже все не то – все по-новому.

Иван Сергеевич. Не знаю.

Катя. Хорошо, если и по-новому. Хорошо по той же лестнице вверх идти, если
сил хватит.

Катя. Да, вверх, вверх – и вместе!

Иван Сергеевич. Катя, неужели правда, что ты... что вы, новые, молодые,
такие, как ты, – с нами, вот в этом, главным? В деланьи жизни новой, в

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
твореньи правды общей, в любви к свободе? До жертвы, до смерти любовь, ты понимаешь?

Катя. Да, с вами, с вами в этой любви, в этой борьбе на веки веков!

Иван Сергеевич. А если и там опять – будут только могилы бескrestные?

Катя. Пусть могилы – из могил встанут мертвые.

Иван Сергеевич. А Гриша думает...

Катя. Пусть думает, пусть сберегает душу свою.

Иван Сергеевич. Да ведь и я сберегал. Может быть, за то и наказан... А ты думаешь, те-то, живые, поймут?

Катя. Ведь вы же поняли.

Иван Сергеевич. Понял ли?.. Ну, дай Бог час!

Катя. Как вы хорошо сказали, милый!

Иван Сергеевич. Что?

Катя. Да вот это: дай Бог.

Иван Сергеевич. А-а, насчет Бога. Ну, это я так, нечаянно.

Катя. И хорошо, что нечаянно.

Иван Сергеевич. Хорошо? Да, вот как смотрю на тебя, – все хорошо, и кажется, что будет радость...

Катя закрывает лицо руками.

Иван Сергеевич. Что ты, Катя, милая?

Катя. Ничего...

Иван Сергеевич. Нет, скажи, а то, в самом деле, подумаю, что не понял...

Катя. Поняли, поняли! А это я оттого, что вы сейчас, а как он...

Иван Сергеевич. Кто? Федя?

Катя. Да, теми же словами, как он, о радости – вот, что «будет радость»...

Иван Сергеевич. Как он? Ну, так что же? И хорошо, что как он, что вместе с ним?

Катя. Да, вместе! Я же вам говорила, что вместе. Все вместе.

Иван Сергеевич. Катя, Катя, вот смотрю на тебя и кажется, что будет радость, а отчего – не знаю.

Катя. Нет, знаете.

Иван Сергеевич. От чуда, от вашего чуда, что ли?

Катя. Не от нашего, а оттого, что наше чудо и ваше – одно.

Молчание. Сумерки. Такая тишина, что слышно, как желтые листья падают.

Иван Сергеевич. Катя, пойдем к нему.

Катя. Лучше завтра. Устали вы...

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Иван Сергеевич. Нет, сейчас. Мне сейчас хорошо. Не бойся, Гриша боится,
думает, могила бескrestная, – значит, проклятая, а ведь мы так не думаем.
Ну, и пойдём. Поплачем – ничего, что поплачем – все-таки... будет радость.

Катя (обнимает и целует его). Да, милый, будет радость, будет радость!

Занавес.

1914

Примечания

1

Благовест – звон колокола, извещающий о начале богослужения.

2

одна из составных частей воскресной или праздничной заутрени, состоящая из пения стихов псалмов 134 и 135.

3

короткое православное праздничное песнопение

4

II послание к Фессалоникийцам (II, 3–8).

5

Неточная цитата из Откровения Иоанна Богослова (XVIII, 4).

6

«Мысли Паскаля». Паскаль Блез (1623–1662) – французский религиозный философ, писатель, математик, физик.

7

Слова героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

8

Слова Ивана из романа Достоевского «Братья Карамазовы».

9

Высказывание героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

10

Мечников Илья Ильич (1845–1916), выдающийся русский естествоиспытатель.

11

Артур Шопенгауэр (1788–1860), немецкий философ-идеалист.

12

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org
Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium».

13

Евангелие от Матфея, XIII, 36–39.

14

Религиозно-оппозиционное течение, основанное бывшим дьяконом Федосием Васильевым (1661–1711).

15

Цитата из стихотворения «Колодцы» (1913) З. Н. Гиппиус.

16

Герои трагедии Еврипида (около 480–406 до н. э.) «Ипполит». Переведена Д. С. Мережковским в 1893 г.

17

Цитата из стихотворения Д. С. Мережковского (1901 г.).

18

Героиня трагедии В. Шекспира (1564–1616) «Отелло».

19

Цитата из трагедии «Ипполит» Еврипида в переводе Д. С. Мережковского.

20

Эврипид (Еврипид) (ок. 480–406 до н. э.) – древнегреческий драматург.

21

Трагедия (1677) французского драматурга Жан Батиста Расина (1639–1699).

22

Из пьесы «Принцесса грез» Э. Ростана в переводе Т. Щепкиной-Куперник.

23

Сыновья Адама. Каин убил Авеля из зависти (Бытие, IV).

24

Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) – математик, создатель неевклидовой геометрии.

25

См. статью Мережковского «Семь смиренных», посвященную выходу в свет сборника «Вехи».

Мережковский Д. Будет радость (пьеса в четырех действиях) filosoff.org

26

«Это старая история...» (нем.)– цитата из стихотворения Г. Гейне «Ein Jungling liebt ein Mädchen» («Юноша девушку любит») (1822–1823).

27

Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) – выдающаяся русская актриса.

28

Герои трагедии Еврипида «Ипполит» (около 480–406 до н. э.). Переведена Д. С. Мережковским в 1893 г.

29

Послание к Римлянам (XII, 20).

30

Евангелие от Иоанна (XIII, 27).

31

Евангелие от Матфея (X, 39).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!